

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

МИФОЛОГЕМА СТРАДАЮЩЕГО БОГА В «ОРЕСТЕЕ» ЭСХИЛА В ПЕРЕВОДЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

© 2019 г. Л.Л. Ермакова
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*
Дата поступления статьи: 04 августа 2019 г.
Дата публикации: 25 декабря 2019 г.
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-220-231

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (грант № 19-04-044) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Аннотация: Мифологема страдающего бога, на которой основана дионисийская концепция Вячеслава Иванова, развиваемая им прежде всего в работах «Эллинская религия страдающего бога» и «Дионис и праднионисийство», оказала влияние и на его переводы из Эсхила. В статье рассматривается перевод трилогии Эсхила «Орестея», герои и сюжет которой трактуются Ивановым в дионисийском ключе. В лексико-семантическое поле мифологемы страдающего бога входят лексемы «страстотерпец», «страстнóй» и словосочетание «лицо земли», обладающие христианскими коннотациями и многократно встречающиеся в упомянутых работах Иванова. В статье показано, что те же слова можно найти и в «Орестее» Эсхила в его переводе, при этом в большинстве случаев они не имеют точных соответствий в греческом тексте и являются добавлениями переводчика. Подробно проанализированы четыре пассажа из «Орестей», в русском переводе которых встречаются слова «страстотерпец» и «страстнóй», а также употребление словосочетания «лицо земли», восходящего к древнееврейскому библейскому выражению.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, мифопоэтика, дионисизм, Орестея, переводы Эсхила в России.

Информация об авторе: Лия Леонидовна Ермакова – преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», наб. канала Грибоедова, д. 123, 190068 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: 0000-0003-2118-493X

E-mail: lermakova@hse.ru

Для цитирования: Ермакова Л.Л. Мифологема страдающего бога в «Орестее» Эсхила в переводе Вячеслава Иванова // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 220–231.
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-220-231

MYTHOLOGEME OF THE SUFFERING GOD IN VYACHESLAV IVANOV'S TRANSLATION OF AESCHYLUS' "ORESTEIA"

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019, L.L. Ermakova

*National Research University
Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Received: August 04, 2019

Date of publication: December 25, 2019

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019 (grant № 19-04-044) and of the Russian Academic Excellence Project "5-100".

Abstract: Vyacheslav Ivanov developed a mythologeme of the suffering god in *Hellenic Religion of the Suffering God* and *Dionysus and Predionysianism*; this mythologeme is at the core of his Dionysian concept. The essay argues that it also influenced his translations of tragedies by Aeschylus. The essay mainly deals with the translation of Ivanov's trilogy "Oresteia"; Ivanov interprets the characters and the plot of the trilogy in the context of Dionysism. Lexical and semantic field of the mythologeme of the suffering god includes such lexemes as "strastoterpets" ("passion-bearer"), "strastnoj" ("of passion"), and a phrase "litso zemli" ("the face of the earth") which have Christian connotations and repeatedly occur in the above-mentioned works by Ivanov. The article demonstrates that the same words are found in his Russian translation of "Oresteia." In most cases, the translator has to add these words since they do not correspond to any particular words in the Greek original. The synthesis of Hellenic and Christian material, so important for Ivanov's Dionysian concept, manifests itself at the linguistic level in his translation of "Oresteia."

Keywords: Vyacheslav Ivanov, mythopoetics, Dionysism, "Oresteia," Aeschylus' translations in Russia.

Information about the author: Liia L. Ermakova, Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Gribojedov Canal Emb. 123, 190068 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: 0000-0003-2118-493X

E-mail: lermakova@hse.ru

For citation: Ermakova L.L. Mythologeme of the Suffering God in Vyacheslav Ivanov's Translation of Aeschylus' Oresteia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 4, pp. 220–231. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-220-231

В основе дионисийской концепции Вячеслава Иванова лежит мифологема страдающего бога. Отголоски его изначальной мистериальной религии, по мысли Иванова, можно найти в древнегреческой трагедии. Так, в работах «Эллинская религия страдающего бога» и «Дионис и прадионисийство» Иванов неоднократно ссылается на трагедии Эсхила, над переводом которых он работал в 1912–1920 гг. «Именно в соответствии с представлением о дионисийской природе толкует он образы и сюжетику Эсхилевых драм. Любой трагический герой — это героическая ипостась Диониса...» — замечает Я.Л. Забудская [3, с. 142]. Такое представление о трагических героях не могло не повлиять и на перевод Эсхила, особенно «Орестей».

Ранее уже был отмечен тот факт, что Иванов делает акцент на орудии убийства Агамемнона [2]: если Эсхил не называет его напрямую, то в переводе Иванова несколько раз фигурирует двойной топор, связываемый им с культом страдающего бога. Агамемнон, таким образом, выступает как ипостась страдающего божества, Клитемнестра — как его жрица, Орест, убивший свою мать и преследуемый Эриниями, тоже оказывается страдающим героем [4, с. 64–65].

В лексико-семантическом поле мифологемы страдающего бога на материале работ и переводов Иванова можно выделить прилагательное «страстнóй» и существительное «страстотерпец». Словарь дает следующие определения этих слов: «страстотерпец — претерпевающий или претерпевший страдания; мученик, пострадавший за Христа» [8, с. 234]; «страстнóй — относящийся к страстям Христовым» [8, с. 233]. Таким образом, в русском языке оба слова изначально относятся к церковно-христианскому узусу.

Исследователи творчества Иванова уже писали о том, что в его переводах Эсхила обращают на себя внимание слова и выражения, обладающие христианскими и библейскими коннотациями. С.С. Аверинцев пытался объяснить эту особенность верой Иванова в то, что «устремление греческой античности за пределы инерции политеистического сознания по существу своему принадлежит той же сфере, что и Ветхий Завет» [1, с. 6], Н.Н. Казанский – скорее «поиском адекватных языковых средств для передачи древнегреческого оригинала», чем намеренной «христианизацией» Эсхила [7, с. 18]¹. Следует также помнить о том особом значении, которое Иванов придавал церковнославянскому языку [16].

В текстах Иванова «страстной» и «страстотерпец» весьма частотны и обычно касаются страданий (*πάθει*) Диониса, прадионисийских божеств или мифологических персонажей, объединяемых Ивановым в их отношении к культуре Диониса. Так, например, в «Дионисе и прадионисийстве» Иванов пишет: «Религиозно-историческая особенность отношения к герою – именно скорбь и плач по нем; особенность его участи – “страда”, или “страсти”. Оба рода объектов религиозного служения тем и разнятся между собою, что бессмертные, “вечно блаженные” боги по существу не подвержены страданию и бесстрастны (*apatheis*), герои же, будучи из рода смертных по необходимости страстям причастны (*empathis*), они – страстотерпцы, лик их – страстной» [4, с. 56].

Если проанализировать существительные, которые в «Дионисе и прадионисийстве» употребляются в паре с эпитетом «страстной», то их можно объединить в три семантические группы:

- 1) страдающий субъект (страстной герой, страстной бог, страстной демон, страстной лик, страстная ипостась);
- 2) действия страдающего субъекта и его гибель (страстное странствие, страстной подвиг, страстная смерть, страстная участь, страстная доля, страстная судьба);
- 3) культовые действия, посвященные страдающему субъекту (страстное служение, страстное действо, страстное богослужение, страстной культ, страстной обряд, страстные мистерии, страстные оргии, страстная религия).

¹ Комментаторы статьи Иванова «Ницше и Дионис» в критическом издании сборника «По звездам» отмечают, что «словесная ткань повествования о культуре Диониса насыщена цитатами, лексикой и мифологемами Священного Писания» [5, с. 71].

Все три семантические группы в смысловом отношении представля-ют некое единство, так как посредством страстных служений, посвященных страдающему божеству, участник мистерий приобщался к страстям послед-него, чтобы затем испытать катарсис и очиститься [4, с. 201].

Иванов сознательно вводит христианские по своим коннотациям по-нятия в дискурс о дионисийской религии, что со всей очевидностью следует из тех пассажей в «Дионисе и прадионисийстве», где он сравнивает «языче-ские страстные мистерии» с христианской мистериальной идеей страстей Христовых и культом мучеников, которым «церковь, при завоевании ею языческого мира, искала заменить стародавние формы культа языческих предков» [4, с. 198]. «Понятие “страстей”, — утверждает Иванов, — прямо перешло из эллинской религии в христианство, во всей полноте своего со-держания, как мистического и обрядового термина» [4, с. 198].

В переводе «Орестей» один раз встречается существительное «стра-стотерпец» (Eum. 441) и пять раз прилагательное «страстной» (Ag. 669, 1167; Ch. 370, 1064; Eum. 78). «Молельщик-страстотерпец» — так в трагедии «Эвмениды» Афина называет Ореста, ищущего защиты в ее храме, и сравни-вает его с Иксионом (Eum. 441). В греческом тексте нет слова, которое можно было бы перевести как «страстотерпец» (σεμνὸς προσίτωρ ἐν τρόποις Ἰξίουος «заслуживающий почтения проситель, по образу Иксиона»²), так что оно яв-ляется поясняющим дополнением переводчика. Согласно мифу, на который намекает Аполлон, Иксион убил своего тестя Эионея, но позже Зевс очистил его от этой вины. Таким образом, здесь важен именно этот частный преце-дент, а не дальнейшая судьба Иксиона (его казнь на колесе — уже за другое преступление)³, намек на которую можно увидеть в слове «страстотерпец».

2 Перевод Иванова цитируется по изданию 1989 г. [9], греческие цитаты приводятся по изданию А. Вейля [10]; их дословный перевод принадлежит автору статьи. «Орестею» Ива-нов переводил, опираясь преимущественно на издание Анри Вейля (1884), и именно его ну-мерации стихов он следует в рукописи перевода «Агамемнона», датированной летом 1913 г. (Римский архив Иванова. Оп. 2. Карт. 33. Папка 9. Л. 1–101). Кроме того, Иванов обращался к изданию Г. Германа (1852), А. Кирхгофа (1880) и к немецкому переводу У. Виламови-ца-Меллендорфа (1901). Так, например, только у Вейля стихи 1313–1314 в «Агамемноне» помещены после стиха 1326. В то же время ст. 1327–1330 у Иванова, в отличие от Вейля и Кирхгофа, принадлежат Кассандре, а не хору (так же — у Германа и Виламовица). Повтор стихов 1538–1546 после стиха 1566 есть у Кирхгофа и Виламовица, но отсутствует у Вейля. Помещение стиха 1664 между 1649 и 1650, отразившееся в переводе Иванова, принадлежит Виламовицу.

3 См. комментарий к этому месту: [11, с. 160].

Орест, как уже было отмечено ранее, по мнению Иванова, относится к типу страдающих героев: в «Дионисе и прадионисийстве» перечислены разные мифы о гибели Ореста, не затронутые в «Орестее»⁴. Трактовка фигуры Ореста как страстного героя нашла свое отражение в переводе в двух других местах. Так, почти в самом финале «Хозэфор» предводительница хора произносит следующее, обращаясь к Оресту:

ἀλλ' εὐτυχοίης, καί σ' ἐποπτεύων πρόφρων / θεὸς φυλάσσοι καίριοισι
σὺμφοραῖς (Ch. 1063–1064)

Дословно: «Пусть удача сопутствует тебе (=прощай), и, наблюдая за тобой, пусть благосклонный / бог тебя оберегает при помощи своевременных (=благоприятных) событий».

Пер. Иванова: «Ступай же с богом! Он да соблюдет тебя, / Ведя **тропой страстнѳю** ко спасению».

«Страстная тропа» в сочетании со «спасением» обладает очень сильными христианскими коннотациями. Этот пассаж в ивановском переводе можно понять так, что Орест должен «спастись» (т. е. очиститься от скверны и избавиться от преследующих его Эриний) через страдания. Отметим, что καίριοισι σὺμφοραῖς интерпретируют и в положительном смысле, и в отрицательном. В положительном смысле — так как прилагательное καίριος характеризует что-либо, происходящее вовремя, в свой сезон, откуда вытекает значение «удобный, благоприятный». В отрицательном — поскольку существительное σὺμφορά («случай, происшествие») часто употребляется без определения, в значении «несчастный случай»⁵.

У. фон Виламовиц-Меллендорф, на перевод которого Иванов мог опираться, понимает καίριοισι σὺμφοραῖς в негативном смысле: «So fahre wohl, und möge dich in gnäd'ger Hut / ein Gott bewahren, rettend in der Not dir nah'n» («Прощай же, и пусть бог охраняет тебя под своей милостивой защи-

4 Об Оресте Иванов пишет: «Орест умирал не раз: он был растерзан собаками и, как кажетя, размыкан конями <...>; он, наконец, пал жертвою Артемиды Таврической. Мало того: еще младенцем погиб он от Телефа, — героя, конечно, дионисийского, — потом от Эгисфа, — и старцем — от укуса змеи» [4, с. 66].

5 Ср. в комментарии А. Гарви к этому месту у Эсхила: «But the phrase is somewhat ambiguous, and the audience may think of a more sinister sense» «однако эта фраза в некоторой мере двусмысленна, и зрители могут подумать о более зловещем значении» [12, с. 349].

той, спасая в бедствии, которое к тебе приближается») [14, с. 203]. В переводе Иванова, как мы видели выше, божество как будто бы оказывается активным субъектом не только в акте спасения Ореста, но и в его страданиях.

Другая реплика — из обращения Аполлона к Оресту, в «Эвменидах»:

καὶ μὴ πρόκαμνε τὸνδε βουκολούμενος πόνον (Eum. 78)

Досл.: «Не устань слишком рано от этого труда (=не прекращай), будучи его пастырем».

Пер. Иванова: «Не падай духом, мужествуй в **труде страстнóм!**»⁶

При интерпретации греческого текста трудность вызывает причастие βουκολούμενος: глагол βουκολέω означает «пасти скот», а в медиально-пассивной форме — «пасться» [15, с. 289]. Так, А. Соммерстейн отмечает в комментарии к «Эвменидам», что это причастие можно перевести как «caring for, devoting yourself», но оно же может быть понято пассивно — как намек на то, что бог словно пастырь будет присматривать за Орестом [11, с. 96–97].

Чтобы понять, почему в переводе Иванова возникает выражение «труд страстной», стоит обратиться к «Дионису и прадионисийству». Восьмая глава «Буколы» посвящена обрядам, связанным с культом быка, дионисийским по своей природе. В частности, автор рассматривает употребление глагола βουκολέω и существительного βουκόλος в трагедиях Эсхила, а именно четыре таких случая, включая Eum. 78, и приходит к спорному, но важному для его построений заключению: «Итак, у Эсхила “буколическое” значит “экстатически-страстное”, и все перечисленные уподобления вполне осмысливаются лишь при их соотнесении к древнейшему оргиастическому культу страстей жертвенного бога-быка» [4, с. 141, примеч. 6].

В реплике Электры об Агамемноне можно обнаружить сходство с уже рассмотренными пассажами, а именно с представлением о страстях, претерпеваемых героем:

θανατηφόρον αἶσαν / πρόσω τινὰ πυνθάνεσθαι / τῶνδε πόνων ἄλειρον
(Ch. 369–371).

6 В «Дионисе и прадионисийстве» Иванов приводит также свой дословный перевод этого места: «не уставай быть пастырем (буколом) труда сего» [4, с. 141, примеч. 6].

Досл.: «О смертоносной доле / в будущем кто-нибудь спросит, / не зная о таких страданиях».

Пер. Иванова: «Когда б твое имя в преданьи / **Страстной** не мрачилось **долей**, / Памятью смерти лютой!»

«Страстная доля» — это, по-видимому, перевод словосочетания θανάτφορον αἶσαν. Более того, в этом месте есть существительное λόνος, основные значения которого — «работа» и «страдание, боль» [15, с. 1253], так что по своей семантике оно близко существительному «страда», этимологически родственному другому русскому слову — «страсть». Но если еще учесть, что Агамемнона Иванов также относил к страдающим героям, то «страстная доля» применительно к Агамемнону эксплицирует эту идею переводчика.

Ключевые события в мифологеме страдающего бога — это его смерть и воскресение (палингенесия), которые обычно описываются в работах Иванова в форме движения по вертикали — под землю, в мир мертвых, или, наоборот, на землю из ее глубин. В таких контекстах часто употребляется выражение «лицо земли»: в «Дионисе и прадионисийстве» девять раз [4, с. 16, 19, 74, 82, 103, 120, 154, 159, 161]. В большинстве случаев оно сочетается с существительным «возврат», глаголом «возвращаться» или самой идеей возвращения, например: «постоянная цель ночных таинственных служений — знаменовать нисхождение бога в область смерти и его победный **возврат на лицо земли**» [4, с. 103]⁷.

В стихотворных текстах Иванова словосочетание «лицо земли» тоже можно обнаружить, в том числе в контексте палингенесии. Например, в послании к Ю. Верховскому («Послание на Кавказ», 1912): «Поистине, я умирал не раз / **И на лицо земное возвращался**, / Помолодев и вид переменяв». В «Зимних сонетах» (1920): «И, полночь пережившее утрат, / Бие-ньем тайным сердце ускоряет / Любимых **на лицо земли возврат**».

«Лицо земли» — это калька греческого τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, которое, в свою очередь, передает древнееврейское выражение р^анê hā^аḏāmâ или р^анê hā^аʾāreš, многократно встречающееся в Ветхом Завете. Первое существительное (здесь — р^анê) может обозначать лицо человека или животного, а

7 Интересно, что в «Эллинской религии страдающего бога» «лицо земли» ни разу не встречается: ср. «возврат на землю» [6, с. 166].

также употребляется в еврейской Библии в значении «поверхность» земли или воды [13, с. 815–816]. В отличие от него, греческое существительное πρόσωπον до Септуагинты не употреблялось в значении «поверхность» [15, с. 1327], и у Эсхила τὸ πρόσωπον τῆς γῆς нет. Тем не менее, в переводе «Орестей» выражение «лицо земли» встречается четыре раза (Ag. 633, 677; Ch. 147, 302). Приведем один из контекстов, а именно фрагмент из молитвы Электры на могиле Агамемнона. Она призывает своего покойного отца отмстить врагам, а в завершении молитвы обращается к нему, к Гее, Правде (Дике) и к другим божествам:

ἡμῖν δὲ πομπὸς ἴσθι τῶν ἐσθλῶν ἄνω, / σὺν θεοῖσι καὶ γῆ καὶ δίκη νικηφόρο
(Ch. 147–148).

Досл.: «А нам ты будь проводником наверх благ, / вместе с богами, Геей и победоносной Правдой».

Пер. Иванова: «Добро же да прозябнет **на лицо земли** / Из недр могильных, где живешь с богами ты, / С великой Геей и с победной Правдой».

В переводе Иванова менее очевидной оказывается та мысль, что подателем, или проводником (πομπός) «добра» своим близким должен выступить сам Агамемнон вместе с подземными богами. Зато акцент сделан на том, что он «живет» под землей и, таким образом, на религиозном культе героя, смерть которого — не исчезновение в никуда, а перемещение с поверхности земли в ее недра. Само слово «недра» с определением («могильные недра», «земные недра», «недра земли») или без него и в «Дионисе и прадионисийстве», и в «Эллинской религии страдающего бога» встречается преимущественно там, где речь идет о смерти и воскресении⁸. Стих «добро же да прозябнет на лицо земли» вводит в текст мотив возникновения и рождения.

Выражение «лицо земли» в текстах Иванова часто употребляется в контексте мифологемы умирания-воскресения, лежащей в основе дионисийской концепции. С мифологемой страдающего бога еще теснее сопряжены лексемы «страстной» и «страстотерпец», так что их можно считать маркерами не столько собственно христианского, сколько дионисийского

8 Например: «...бессмертие души, рассматриваемое как ее переселение в недра земли и новый возврат на землю» [6, с. 166].

дискурса в творчестве Иванова (включая его перевод «Орестей» Эсхила), принимая во внимание христианские проекции дионисизма. Этот синтез — эллинского и христианского — проявляется не только на идейном, но и на языковом уровне.

Список литературы

- 1 *Аверинцев С.С.* Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — Мировая культура. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 5–14.
- 2 *Ермакова Л.Л.* Лабрис, или двойной топор, в переводах Вячеслава Иванова из Эсхила // *Philologia Classica*. 2017. Vol. 12. Fasc. 2. С. 218–230.
- 3 *Забудская Я.Л.* Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 141–147.
- 4 *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. Баку: 2 Гос. тип., 1923. XII, 303 с.
- 5 *Иванов В.* По звездам. Опыт философии, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. Книга II. Примечания / отв. ред. тома К.А. Кумпан // *Иванов В.* Собр. соч. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 672 с.
- 6 *Иванов В.И.* Эллинская религия страдающего бога // *Символ*. 2014. № 64. С. 7–202.
- 7 *Казанский Н.Н.* Вяч. Иванов как переводчик Эсхила // Вячеслав Иванов — Петербург — Мировая культура. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 15–24.
- 8 *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук.* СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1847. Т. 4. 439 с.
- 9 *Эсхил.* Трагедии / в пер. Вячеслава Иванова; изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; отв. ред. Н.И. Балашов. М.: Наука, 1989. 589 с.
- 10 *Aeschylus tragoediae /* Rec. H. Weil. Lipsiae: Teubner, 1884. 312 p.
- 11 *Aeschylus. Eumenides /* Ed., comment. A.H. Sommerstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. XII, 308 p.
- 12 *Aeschylus. Choephoroi /* Ed., comment. A.F. Garvie. Oxford: Clarendon Press, 1986. LX, 394 p.
- 13 *Brown F., Driver S.R., Briggs C.A.* A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford: Clarendon Press, 1907. II 27 p.
- 14 *Griechische Tragoedien /* Übersetz. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Bd. 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901. 313 s.
- 15 *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. XLV, 2042; XXXI, 320 p.

16 Poljakov F. Kirchenslavisch als universelle Kultursprache in der mythopoetischen Konzeption Vjačeslav Ivanovs // Die Welt der Slaven. 1997. XLII. S. 252–271.

References

- 1 Averintsev S.S. Edinstvo obshchechelovecheskogo kul'turnogo predaniia kak tema poezii i mysli Viach. Ivanova [The unity of the universal cultural tradition as a theme of Vyach. Ivanov's poetry and thought]. *Viacheslav Ivanov – Peterburg – Mirovaia kul'tura* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture]. Tomsk; Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 5–14. (In Russ.)
- 2 Ermakova L.L. Labris, ili dvoinei topor, v perevodakh Viacheslava Ivanova iz Eskhila [Labrys, or double axe in Vyacheslav Ivanov's translations of Aeschylus]. *Philologia Classica*, 2017, vol. 12, fasc. 2, pp. 218–230. (In Russ.)
- 3 Zabudskaia Ia.L. Dionisiistvo i tragediia: Eskhil v perevodakh Viacheslava Ivanova [Dionysism and tragedy: Aeschylus in the translations by Vyacheslav Ivanov]. *Viacheslav Ivanov – tvorčestvo i sud'ba: K 135-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vyacheslav Ivanov – works and life: on the 135th anniversary], comp. E.A. Takho-Godi. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 141–147. (In Russ.)
- 4 Ivanov V.I. *Dionis i pradionisiistvo* [Dionysus and Predionysianism]. Baku, 2 Gos. tip. Publ., 1923. XII, 303 p. (In Russ.)
- 5 Ivanov V. Po zvezdam. Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy. Kniga II. Primechaniia [By the stars. Philosophical, aesthetic, and critical experiences. Articles and aphorisms. Book II. Notes], ed. K.A. Kumpan. Ivanov V. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. St. Petersburg, "Pushkinskii Dom" Publ., 2018. 672 p. (In Russ.)
- 6 Ivanov V.I. Ellinskaia religiiia stradaiushchego boga [Hellenic religion of the suffering god]. *Simvol*, 2014, no 64, pp. 7–202. (In Russ.)
- 7 Kazanskii N.N. Viach. Ivanov kak perevodchik Eskhila [Vyach. Ivanov as translator of Aeschylus]. *Viacheslav Ivanov – Peterburg – Mirovaia kul'tura* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture]. Tomsk; Moscow, Vodolei Publishers, 2003, pp. 15–24. (In Russ.)
- 8 *Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian language compiled by the second department of the Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1847. Vol. 4. 439 p. (In Russ.)
- 9 Eskhil. *Tragedii* [Aeschylus. Tragedies], transl. by Viacheslav Ivanov; ed. N.I. Balashov, Dim. Viach. Ivanov, M.L. Gasparov, G.Ch. Guseinov, N.V. Kotrelev, V.N. Iarkho; ed. by N.I. Balashov. Moscow, Nauka Publ., 1989. 589 p. (In Russ.)
- 10 *Aeschyli tragoediae*. Rec. H. Weil. Lipsiae: Teubner, 1884. 312 p. (In Latin)
- 11 Aeschylus. *Eumenides*. Ed., comment. A.H. Sommerstein. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. XII, 308 p. (In English)

- 12 Aeschylus. *Choephoroi*. Ed., comment. A.F. Garvie. Oxford, Clarendon Press, 1986. LX, 394 p. (In English)
- 13 Brown F., Driver S.R., Briggs C.A. *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic*. Oxford, Clarendon Press, 1907. 1127 p. (In English)
- 14 *Griechische Tragoedien*. Übersetz. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Bd. 2. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1901. 313 s. (In German)
- 15 Liddell H.G. and Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1996. XLV, 2042; XXXI, 320 p. (In English)
- 16 Poljakov F. Kirchenslavisch als universelle Kultursprache in der mythopoetischen Konzeption Vjačeslav Ivanovs. *Die Welt der Slaven*. 1997. XLII. S. 252–271. (In German)